

Нет автора

Журнал Пионер

№10 за 1989 год

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Н57

Н57 **Нет автора**
Журнал Пионер: №10 за 1989 год / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2022. – 68 с.

ISBN 978-5-458-44187-2

Пионер — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для пионеров и школьников. Основан в 1924 году, выходит в Москве. Первый номер вышел 15 марта 1924 года и был посвящён В. И. Ленину. На страницах «Пионера» выступали Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Ем. М. Ярославский, писатели С. Я. Маршак, А. П. Гайдар, Л. А. Кассиль, Б. С. Житков, К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, В. А. Каверин, А. Л. Барто, Виталий Бианки, С. В. Михалков, Юрий Сотник, В. П. Крапивин, Ю. Козлов и др. В 1938 году в журнале печаталась сказка «Старик Хоттабыч» Л. И. Лагина. В журнале сотрудничали (по состоянию на 1975) З. И. Воскресенская, М. П. Прилежаева, Ю. Я. Яковлев, А. Г. Алексин, Л. Г. Матвеева, В. А. Бахревский, художники О. Г. Верейский, Л. В. Владимирский, А. М. Каневский, Ф. В. Лемкуль, П. И. Кузьмичёв, Е. А. Медведев и другие. Позднее в журнале печатались произведения Эдуарда Успенского. «Пионер» имел постоянные разделы школьной и пионерской жизни, публицистики, науки и техники, искусства, спорта, детского художественного творчества. Журнал организовывал работу тимуровских команд и отрядов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1974). Тираж в 1975 г. составлял свыше 1,5 млн экземпляров

ISBN 978-5-458-44187-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ноту власти». А академик А. Д. Сахаров придерживается другой точки зрения. Отдавая должное работе Съезда, он выражает сожаление, что итоговый документ содержит в себе больше призывов, чем реальных законодательных решений.

Конечно, полное безоговорочное народовластие — это большая мечта людей. Добиться ее осуществления очень трудно. В этом деле нельзя спешить. От спешки даже хорошие и искренние люди, желающие всем добра, часто становятся жестокими и несправедливыми. Начиная бороться за то, чтобы отдать власть народу, они берут власть себе, а потом им трудно с ней расстаться. Тогда они начинают обманывать других и даже самих себя: называют свою власть народной, хотя ни с кем не собираются ею делиться.

Машинист, который не интересуется, куда хотят ехать пассажиры, обязательно заедет в тупик. А машинист, который к тому же плохо умеет водить тепловоз, обязательно попадет в аварию. И тогда без общих усилий не спастись.

Мы рассказали лишь о небольшом числе проблем, связанных с простым словом «демократия». Подумайте, только ли о них может идти речь? Подумайте, как должны поступать люди, желающие демократии. Подумайте, потому что в народовластии главное — мысли каждого об общей цели.

Выработать такую ОБЩУЮ для всех цель совсем не просто. Потому-то так часто говорят у нас о необходимости учиться демократии. Учиться демократии совсем не значит взять с полки учебное пособие и внимательно его прочитать. Такого пособия не существует! Учиться демократии — значит на собственном опыте стараться вести себя терпимо и благородно, уживчиво и внимательно по отношению к другим. Уже в собственной семье, уже в школе можно учиться демократии. Можно смело сказать: чем лучше мы будем учиться демократии в семье, в школе, в собственном дворе, тем лучше будет жить все общество.

Алексей СЕРГЕЕВ,
обозреватель газеты «Семья» —
специально для «Пионера».

Надо уметь сливать свою жизнь с общественной жизнью. Это не аскетизм. Напротив того, личная жизнь обогащается благодаря такому слиянию, благодаря тому, что общее дело всех трудящихся становится личным делом.

Н. К. Крупская.

Горе земле, в которой подчиненные, начальники и суды, а не законы управляют гражданами и делами! Всякий из них считает себя мудрецом в высшей степени, и от сего «у семи нянек дитя без глазу».

М. И. Кутузов.

Стараясь о счастье других, мы находим свое собственное.

Платон.

Умей подчиняться закону, дисциплине, порядку, нормам социалистического общежития. Умение подчиняться самым гуманным в мире законам — высшее выражение свободы.

В. А. Сухомлинский.

Свобода — это не праздность, а возможность свободно располагать своим временем и выбирать себе род занятий; короче говоря, быть свободным значит не предаваться безделью, а самолично решать, что делать и чего не делать.

Ж. Лабрюйер.

Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья.

А. П. Чехов.

Фотография И. Куликова.

Григорий КРУЖКОВ

* * *

Есть в небе звездочка одна,
Какая — не скажу,
Но каждый вечер из окна
Я на нее гляжу.

Она мерцает ярко так!
А в море где-нибудь
Сейчас, наверное, моряк
По ней сверяет путь.

Она восходит над холмом,
Где пастухи не спят;
У телескопа астроном
В нее вперяет взгляд.

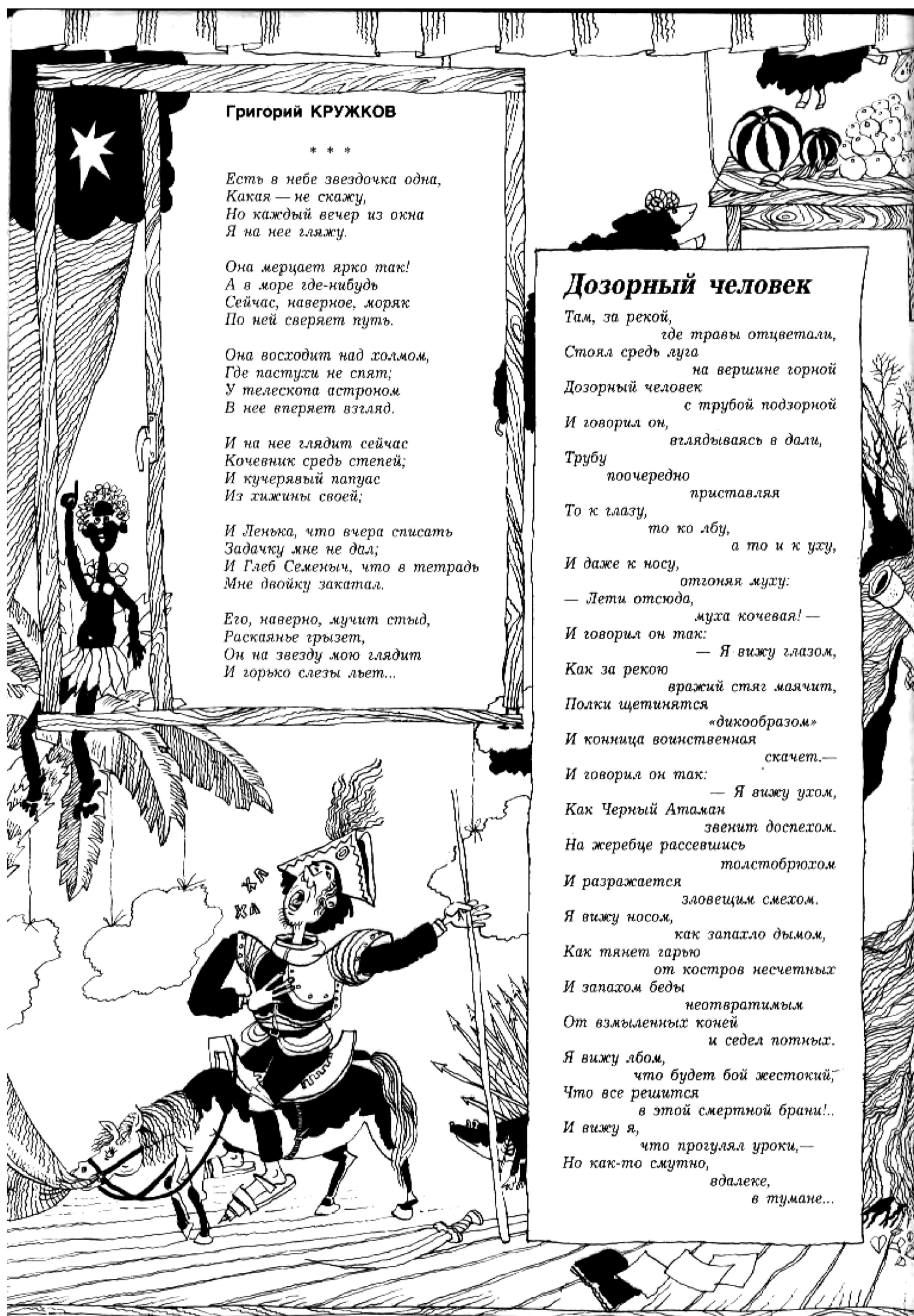
И на нее глядит сейчас
Кочевник средь степей;
И кучерявый папуас
Из тужины своей;

И Ленка, что вчера списать
Задачку мне не дал;
И Глеб Семенович, что в тетрадь
Мне двойку закатал.

Его, наверно, мучит стыд,
Раскаянье грызет,
Он на звезду мою глядит
И горько слезы льет...

Дозорный человек

Там, за рекой,
где травы отцветали,
Стоял средь луга
на вершине горной
Дозорный человек
с трубой подзорной
И говорил он,
вглядываясь в дали,
Трубу
поочередно
приставляя
То к глазу,
то ко лбу,
а то и к уху,
И даже к носу,
отгоняя муху:
— Лети отсюда,
муха кочевая! —
И говорил он так:
— Я вижу глазом,
Как за рекою
вражий стяг маячит,
Полки щетинятся
«дикообразом»
И конница воинственная
скачет. —
И говорил он так:
— Я вижу ухом,
Как Черный Атаман
звонит доспехом.
На жеребце рассевшись
толстобрюхом
И раздражается
зловещим смехом.
Я вижу носом,
как запахло дымом,
Как тянет гарью
от костров несчетных
И запахом беды
неотвратимым
От взмыленных коней
и седел потных.
Я вижу лбом,
что будет бой жестокий,
Что все решится
в этой смертной брани!..
И вижу я,
что прогулял уроки, —
Но как-то смутно,
вдалеке,
в тумане...

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

дождь идет , идет , идет ,
дождь идет , идет , идет ,
дождь идет , идет , идет ,
дождь идет , идет , идет ,
дождь идет , идет , идет ,
дождь идет , а , идет ,
дождь дом , идет ,
дождь до , идет ,
дождь до , идет ,
дождь до , идет ,

Н
О
ТУТ
ПОЯВЛЯЕТСЯ!
НЕКТО
И
Г Г
О О
В В
О О
РИТ РИТ

!а, может быть,
наоборот -
дождь стоит,
а дом идет?

Перемена декораций

Перемена декораций
На вращающейся сцене!
Все успеет поменяться
Через несколько мгновений.

Опускается завеса,
Поднимается завеса:
Вместо пестрого базара —
Глушь разбойничьего леса.

Вместо царского чертога,
Где танцуют в масках гости —
Ведьмы темная пещера
И разбросанные кости.

Вместо свежей луговины,
Где пастушка вьет веночек —
Бури свист и брань матросов,
Гром катающихся бочек.

Перемена, перемена!
Разбегаются актрисы,
Опускаются колонны,
Разъезжаются кулисы.

Перемена, перемена!
Что средь этого сыр-бора
Остается неизменно? —
Только будочка суфлера.

Кто-то в ней сидит бесшумно
И читает по тетрадке, —
Чтоб никто не сбился с роли,
Чтобы было все в порядке

На вращающейся сцене,
Где так дорога ошибка,
Где так празднично и жутко,
Так таинственно и зыбко...

Рисунок И. ПАНКОВА.

ЗАСТАВА НА ЯКОРНОМ ТРОЛЕ

ПОВЕСТЬ

...— Я так намучилась за эту смену! Вожатые все девчонки-первокурсницы, толку никакого, все на нас, на воспитателях. А нынешние дети — сама знаешь...

— Иди ты с этой работы. Пока не поздно...

— Ох, не говори! Хотя в вахтеры ушла бы. Да ведь стаж... В этой смене триста человек и дебил на дебиле. Из-за одного чуть не кончилась, был такой Ромка Рогулин в пятом отряде. По прозвищу «Ро-ро»... В родительский день, гляжу, он несется по коридору и через две стеклянные двери — навывлет! Я и села мимо скамейки. «Врача!» — ору. Сама думаю: «Его в реанимацию, меня к прокурору». А он хоть бы хны, только щека поцарапалась. Не остановился даже. Я ему вслед: «Вернись, паразит, ты куда?» А он: «К ма-а-ме!»

(Из разговора в автобусе.)

1. Кольцо. Голос

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Малый ипподром»...

На Большом Кольце поезда с перрона «А» идут по часовой стрелке, с перрона «Б» — наоборот. И никогда не меняют направлений — кольцо есть кольцо. Поэтому хвостовых моторных вагонов у них нет. Задний вагон такого поезда с закрученной кормовой стенкой. Узкий диван изгибается по ней подковою. А над упругой спинкой — сплошное, тоже выгнутое стекло.

Если встать коленками на прохладную искусственную замшу сиденья и положить подбородок на нижнюю планку окна, видно, как убегает назад черный, с бледными огоньками туннель, как быстро уменьшается светящийся полукруг — выезд со станции. Потом этот желтый ноготок исчезает за поворотом, туннель делается светлее. Бегут, не отставая, по гладкой полосе антиграва отблески хвостовых сигналов, ярче становятся фонари. При замедлении хода можно различить пористую кладку стен, замурованные арки, а кое-где — черные провалы и в них смутно белеющие тени мраморных колонн. Поезд прошивает известковые и бутовые толщи древнего Полуострова с его катакомбами, подземными храмами, пещерными городами, подвалами крепостей и тайными библиотеками.

Тысячи лет в этих каменных пластах гнездились тайны. Великое множество. Тысячи лет, наверно, нужно, чтобы все разгадать. Если будет на то у людей охота... Еще недавно рассказы о кладках и подземельях волновали до замирания души. А сейчас все равно... Лучше не смотреть, закрыть глаза. Тогда голос делается будто не из стереодинамиков, а совершенно живой. Будто совсем рядом, за спиной:

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Магазин «Радуга»...

В хвостовом вагоне пассажиров всегда немного. А сейчас, в послеобеденную пору, совсем пусто. Лишь в другом конце сидят двое-трое. Никто не

заворчит на мальчишку, забравшегося с ногами на сиденье. Впрочем, сандалии он оставил на полу.

В скрытые щели вентиляции тянет сквознячок, щекочет голые пятки, пушистыми зверьками пробегает по ногам, прыгает под свободный подол светло-серой капитанки с закатанными рукавами. Между лопаток словно мохнатой лапой провели. Подол трепещет, а на спине шелковистая аэроткань надувается пузырем.

...Несколько раз он задумывался, почему эти полукурточки-полурубашки со множеством застежек и хлястиков, с пряжками и погонами называются капитанками. Никто из взрослых не ходит в такой форме: ни моряки, ни офицеры Космолота, ни Патрульная служба, ни дежурные Дорожной сети. Это чисто ребячья одежда — на все случаи беспокойного мальчишечьего бытия. Не рвется, не мнется, не льнет к репейникам, за минуту отстирывается от любых пятен в холодной воде. Отталкивает жгучие лучи и хранит тепло в зябкую погоду. А больших карманов и потайных карманчиков столько, что и сам хозяин не всегда помнит... В холодную погоду у капитанки раскатываются рукава, подол заправляется под ремень длинных брюк (обычно с узорно-чеканной пряжкой), пристегивается откидной воротник-капюшон — и ходи хоть среди метели.

Хотя какая тут метель! Конечно, Полуостров — не настоящий Юг, но снег выпадает лишь на Рождество, да и то, если очень постарается Служба погоды. Говорят, лет пятнадцать назад случилась такая зима, что против у Грюн-капа на полмесяца затянуло льдом. Но нынешние мальчишки ничего подобного не помнят. Лето здесь тянется до конца октября. А сейчас лишь сентябрь, и в вагоне прохладнее, чем на улице. Там, наверху, не просто жара, а влажная духота. И небо желто-серое, низкое, солнце вязнет в липком воздухе. Ничего не поделаешь — парниковый эффект. «Погодники» воюют с ним, как могут, да пока могут не очень.

Хорош бы он оказался, если бы поехал в лицейской форме. Встречные палились бы на пацана в форменных, с лампасами штанах до пят, в галстук и тесной черной курточке с галунами. Нет, в таком костюме не жарко, специальная «мундирная» синтетика даже холодит тело. Но что хоро-

шего, когда на тебя все таращат глаза, как на сбежавшего из заповедника павлина, а мальчишки радостно орут вслед:

— Ослы — на тот свет посылы!

«Ослы» — это из-за нарукавного шеврона. На нем концы золотого лаврового венка торчат, как ослиные уши, и тут же буквы: О С Л. Особый суперлицей. Супер — потому что учит человека от «нулевки» до высшего диплома. Особый — потому что для всяких сверхталантов. («Господи, а у меня-то какой талант?») Многие считают, что одаренные сверх меры дети на этом свете не заживаются. Вот и «послы на тот свет».

Кантор вроде бы с шутливой ноткой, но в общем-то серьезно любит напоминать, поднявши пухлый палец:

— Господа лицейсты, понятие «честь мундира» есть понятие не устаревшее, а вечное. Будьте выше праздного любопытства и насмешек обывателей и гордитесь принадлежностью к славной когорте. Вы соль будущего интеллекта общества...

В переводе на нормальный язык — на занятия в мундире, в город в мундире.

Есть, конечно, такие, кому нравится изображать гвардейцев и аристократов позапрошлого века. Дело их. Пускай берегут мундирную честь. А он сюда, в «ослы», не просился.

...Час назад он вышел из лицейского парка, пешком добрался до Южного вокзала, в электронной камере хранения взял сверток с тем, что привык носить раньше, в прежние, домашние времена. Бесшумно переоделся в кабинке туалета. Все казенное затолкал в прежнюю бронированную ячейку, придавил тяжелой дверцей. И все. И превратился в обычного пацана, затерялся среди миллионного ребячьего народа Полуострова...

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Дом Капитанов».

«Да, я знаю... Помнишь, мы выходили там, чтобы посмотреть на этот дом? Это когда я еще маленький был, и мы гуляли вдвоем... Он длинный, белый, с круглыми окнами и корабельной вышкой. На вышке мачта со всякими висячими знаками — шарами, треугольниками. А выше знаков — флаг. Синий, с золотыми полосами и вензелем, как на капитанском рукаве... А может, «капитанка» — потому, что на нее тоже пришивают всякие шевроны и знаки?»

Да, на погоны обычно шьют полосы разного цвета, на рукав — эмблему своего отряда или общества. А иногда просто всякие значки и надписи. Но он ничего не пришил. Если просто так, картинки — это неинтересно. А по званию ничего не полагается. В прежней школе весной он записался в клуб «Морские орлята» и уже почти прошел кандидатский срок, и должны были скоро дать синие лычки на погоны и нарукавный знак с крылатым корабликом. Но инструктор неожиданно уехал на стажировку в летное училище.

«Ты тогда утешала: «Не горюй, в сентябре получишь все, что полагается. Может, еще и медаль дадут...»

«За что медаль-то?»

«За терпение... Не шмыгай носом, время быстро бежит».

Бежит-то оно быстро. Только если бы знать заранее — куда...

— Станция «Дом Капитанов»... Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Отель «Кочевники»...

Все здесь известно, все расписание он знает на-

изусть, каждую станцию, каждую нотку в голосе... Сколько витков он сделал по Кольцу за свою жизнь!

...«Святые Хранители, это что же такое! Ночь на дворе! Где тебя носило?»

Он в дверях — коленки вместе, пятки врозь, пальцы дергают подол капитанки. Так стоят люди виноватые и упрямые. Голова ниже плеч, волосы упали вперед. Чтобы глянуть исподлобья, надо их раздуть. Но для этого необходимо оттопырить нижнюю губу, а губы сжаты. Пока...

— Я тебя спрашиваю, несчастье мое! Где ты был? Только не вздумай сочинять!

«Несчастье мое» — это хорошо. Это тренировка в суровой сердитости... Только вот не вовремя намочки ресницы... А сочинять он не имеет привычки. Или молчит, или уж правду говорит.

— Скажешь ты наконец или решил меня умирить?

— По Кольцу ездил... — Это тихо и тихо.

— Новое дело! Зачем?

Дело совсем не новое. Не первый раз. И ей это, конечно, известно. Но... у таких разговоров есть свои правила.

— За-чем, я спрашиваю.

Он отдывает наконец волосы. Похожие на волокно растрепанного ногтями льняного троса (натурального, конечно), они взлетают легко и опускаются не сразу. Он успевает посмотреть. Глаза в глаза. Потом — опять в пол. Носом втягивает воздух и говорит с легким вызовом:

— Тебя слушал... Как ты объявляешь.

Она опускается на кухонный стул, руки ложатся на хрустящий новый передник (он сине-зеленый, блестящий, с белыми и желтыми морскими коньками).

— Еще одна новость... — А в голосе уже что-то вроде просьбы. — Тебе что, дома меня не хватает?

Он вскидывает лицо. Волосы ладонью — в сторону (будто комара скользящим ударом бьет на лбу). Смотрит ей в лицо опять и тут же — в дверной косяк. Говорит сумрачно, сквозь предательскую хрипотцу, но уже с затаенной (очень затаенной) дурашливой ноткой. Со спрятанной надеждой на прощение:

— Да-а... Там у тебя голос хороший, ты не сердись, не ругаешь...

— На-адо же... — Она склоняет набок голову (капелька-сережка над плечом). — Значит, там я лучше, чем дома. Очень большое спасибо.

«Очень большое пожалуйста», — едва шевелит он губами. Так, для себя. И совсем неискренне, из остатков вредности.

— Но там я говорю свои слова для тысяч людей. И ни один из них не сделал ничего плохого. Ни один, я уверена, не доводит свою мать до нервной икоты...

— Ох уж, до икоты... — Это он косяку. — Чего уж я такого сделал-то...

— Не бубни!.. Ни один нормальный человек не лазают со своими приятелями по всяким подвалам и катакомбам, рискуя свернуть себе шею или оказаться в завале...

— Ох уж, в завале! Там все безопасно, туда еще наш учитель истории спускался, когда такой же был... как мы.

— Вот и лазил бы туда с учителем. А не с этим шалопаем Яриком...

— Это Ярик-то шалопай?! Сама говорила, что-бы пример с него брал!

— Я ошибалась. И очень горько. Два сапога

пара, и обоих следует вздуть одинаково. Я вот позвоню его маме...

— Да знает она. знает. Тебе звонить обещала.

— Какое приятное известие!.. Археологи липовые...

Но это уже так. Это почти игра.

— Марш в ванную. Чучело, а не сын...

Ванная — это потом. А сперва... сперва потоптаться, посопеть у двери, потом побрести с опущенной головой, постоять, ткнуться носом в теплое плечо рядом с клеенчатой ляжкой передника. Вдохнуть, получив невесомый хлопок по затылку. Снова посопеть, потереться о ее плечо лицом.

— Нечего об меня нос вытирать... Я тут чуть с ума не сошла: то днем исчез, то вечером...

— М-м...

— Подлиза.

— М-м...

— Не мычи, а говори, если хочешь что-то сказать...

Она знает, что он хочет сказать. Вечное, как мир, и самое непрочное мальчишечье обещание: «Больше не буду...» Но даже в полную ласки и раскаяния минуту он не может выдать из себя эти слова. Такой характер.

Теплая ладошь с растопыренными пальцами ложится на его заросший затылок. Пальцы треплют, терпят пряди. Вроде бы сердито.

— До чего упрямый...

Он стыдливо хихикает:

— Сама придумала, что «Ежики».

...Прозвище, казалось бы, ну, совсем не для него. Вот у Ярика на темени две спиралью завитых макушки с жесткими хохолками — и правда, как ежики. Но Ярик — человек покладистый, «не то, что эта колючка».

Да какая он колючка! Просто повелось так с дошкольных еще времен. «Ты долго будешь с книжкой сидеть?» — «Счас...» — «Не «счас», а спать. Кому сказала!» — «Ну, маленько еще...» — «Брысь в постель!» — Хватя его в охапку. «Следующая станция «Нос-в-подушку»!

Он, конечно, верещит и ногами дергает.

«Не ребенок, а ежики...»

«Ха-ха-ха, почему?»

«Потому! Чуть что — иголки наружу: не хочу-у...»

«Ха-ха-ха! Тогда уж один ежик!»

«Один — это мало. У одного хоть живот пушистый, а у тебя всюду колючки торчат... Куча ежат, все упрямо визжат...»

«Я никогда не визжу. Даже от щекотки... Ай, не надо! И-и-и!...»

«Вот так-то, Ежики... Спать».

Ежики так Ежики. И прожил с этим именем до одиннадцати с половиной лет.

И вот сейчас тоже:

— Эх ты, Ежики, колючки непутевые... Ладно, не сопи, иди мыться. Шагом марш!

Это уже совсем прощение. Он дурашливо марширует в холл, потом в кафельную кабину с ванной-бассейном. Весело командует, задвигая дверь:

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Океанский пляж»!

— Я покажу тебе пляж! Не смей устраивать наводнение!

А за дверью уже: ш-ш-ш, буль-буль-буль, плюх-плюх!

— Ну, только выйди, будет тебе «плюх»!

Он выходит, важно кутаясь в длиннопольный мохнатый халат, как в шкуру туземного вождя. Слипшиеся волосы торчат длинными сосульками.

— Хотя бы вытерся как следует. Чучело и есть чучело. Не ежики, а дикобраз...

Он шествует к похожему на присевшего бегемота креслу и погружается в его податливую мягкость. Говорит оттуда:

— А я знаю, почему твой голос записали... У вас там специальные дикторы есть, а ты вовсе и не диктор, а консультант, а для Кольца записали не их, а тебя. Потому что...

— Любопытно. Почему же?

Он вдруг теряется, прячет нос в махровый рукав.

— Ну, потому что он такой голос...

— Какой же? А? — Ей и правда интересно.

— Ну... как ты сама...

Голос и в самом деле вовсе не дикторский. Он слишком... домашний, что ли... И в словах, если очень прислушаться, есть неправильность — крошечная такая шепелявость. «Р» звучит мягко, «ж» похоже на «ш». И постоянное «осторожно» произносится с еле заметным ласковым прищептыванием — «осторёшно»... Нет, не так, разумеется, но с намеком на «ё» и «ш»...

Ежики сам видел не раз, как люди, услышав этот голос, поднимают глаза к динамику и чуть улыбаются.

...И «Ежики» она тоже говорила мягко. Почти как «Ешики»... «Ешики», опять с ногами на сиденье? Ну-ка брысь!» (Брысь...)

Он вздыхает, сползает коленками с сиденья, садится, опустив ноги. По полу при стремительных поворотах вагона елозят туда-сюда расстегнутые и брошенные сандалии. Ежики сует в одну из них ногу, нагибается, чтобы прижать к металлическому язычку магнитную пряжку. На ноге сбоку, выше косточки, белый рубец с точками по краям — след шва. Конечно, можно было бы убрать его за два дня специальной мазью (называется «ре-ге-не-ра-ци-онная»). Да и без мази он сумел бы сгладить шрам за неделю. Но не хочет. Пусть... Хорошо он все-таки врезал тогда Кантору, жаль, что нога срыкошетила...

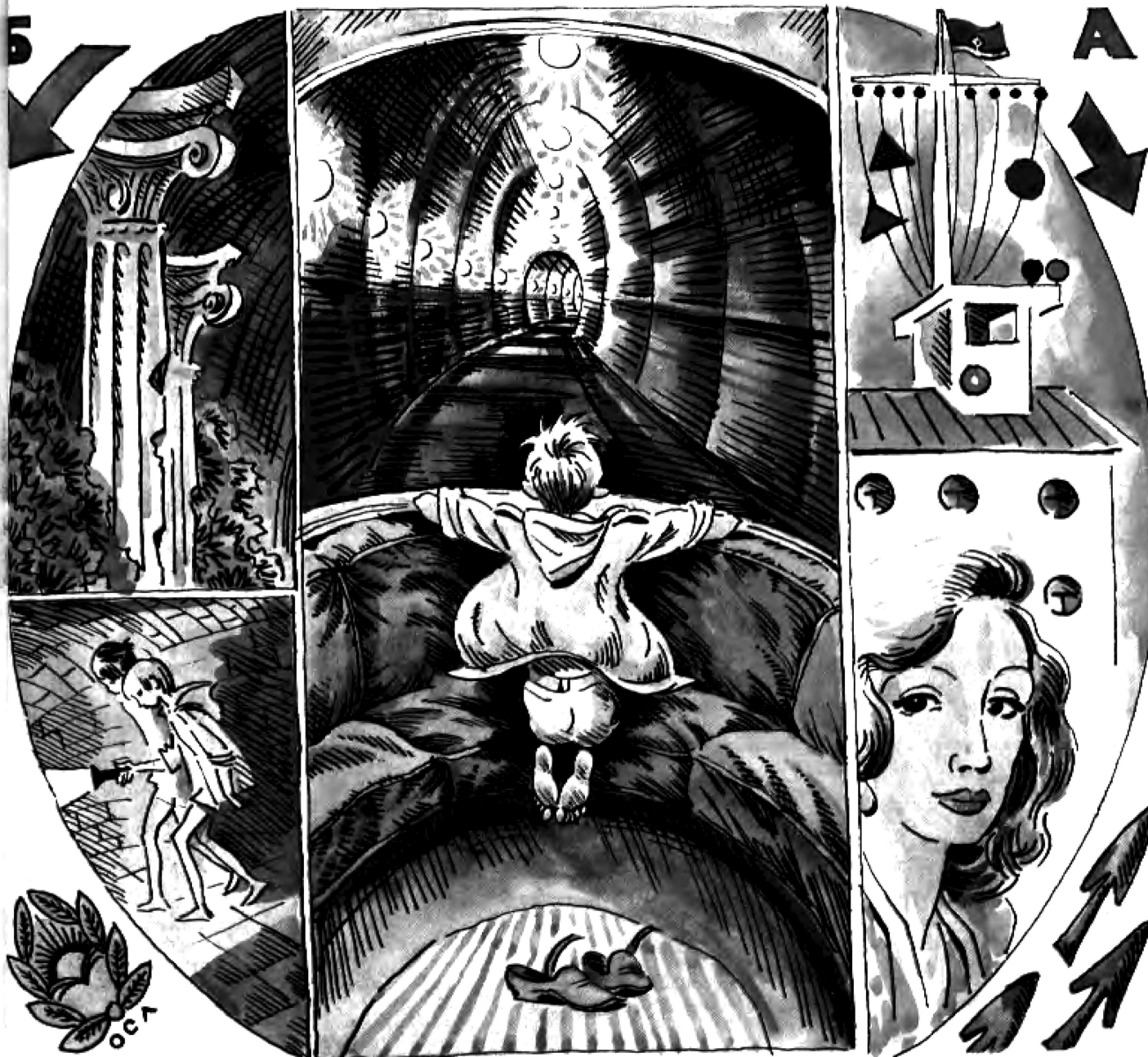
Ремешок с пряжкой — будто живой: дергается, хитрит, выскальзывает из пальцев. А тут еще опять поворот, и мягкая сила валит Ежики набок. Он сердито покоряется ей и так, лежа, дожидается шестящего торможения и затем знакомых слов:

— Станция «Восточные ворота»... Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...

«Знаю. «Эстакада»...

Он придвигается к боковому окну. Поезд, набрав ход, вырывается из туннельного сумрака в громадное дымчато-желтое пространство. Неяркое, похожее на грейпфрут солнце невысоко висит во влажном воздухе, высвечивает море, обрывы Грюн-капа и бесконечные кварталы мегаполиса, что раскинулся почти на треть Полуострова. Кварталы эти — белые, стеклянные, разноцветные, убегающие в необозримые края по холмам и равнине — медленно поворачиваются за окном, словно за бортом аэробуса. А под полом, под тугой упругостью антигравитационной подушки, мягко гудит стальная эстакада. Она соединяет Крепостной холм, где стоят остатки тысячелетней цитадели, со склоном горы Эдуарда. А глубоко внизу курчавятся верхушки парковых массивов Посейдоновой балки.

Посреди эстакады стеклянный павильон станции. Последние два пассажира вышли здесь из вагона. Поедут, наверно, на лифте вниз, в парко-

ные дебри. А может, застрянут на смотровой площадке...

Ежики лбом прижимаются к окну. Сквозь стекла вагона и станции виден склон горы Эдуарда, а левее — гребешок дальнего пологого холма, на котором щетинятся кипарисы — черные на желтом небе. За теми кипарисами есть скользкий от ракушек спуск садовых тропинок, а дальше — дом. Его дом. Родной до каждой щелки на дереве старых перил, до последней царапинки на облицовочном пластике. Родной и... чужой... Нет, не надо сейчас о доме. А то не поможет и аутотренинг иттов...

Вон там, где торчит самый высокий кипарис,

есть очень старая ракушечная лестница, она ведет к школе. На ней почему-то всегда любят играть первоклассники. Такую игру знают, наверно, только в этой школе: вроде классиков, но прыгать надо не по ровному месту, а по ступеням.

*Две ступеньки,
Три ступеньки,
Жил-был рыжий кот у Сеньки...*

«Сестра Анна, где вы? К вам опять очередь с разбитыми коленками!»

«Святая Дева, я не напасусь бактерицидки! Когда сроят эту окаянную лестницу!»

Попробуй срой! Все ребята крик подымут... Там

не только замечательные ступени, там еще широкий парадет сверху донизу, а по нему тянется желоб. Такой лоток, отполированный штанами школьников многих поколений. Садись наверху, пятки вскидываешь — и пошел! Многие перед уроками специально забираются на верхнюю площадку, чтобы подкатить к школьному крыльцу с таким шиком. Но нельзя зевать в конце спуска: там есть выступ вроде трамплинчика. Если расслабишься, так хряпнет, что на первом уроке не сидишь, а страдаешь... Но Ежики никогда не зевал. И Ярик не зевал...

Поезд уже ушел с эстакады, вонзился в толщу горы Эдуарда, а в глазах у Ежики по-прежнему желтый свет. И небо, и зелень. И, вскинув темно-ореховые ноги в красных кроссовках, летит вниз по каменному желобу хохочущий Ярик...

...Точно говорят, что беда не приходит одна. Точно и горько. Ведь всего за две недели до черного дня Ярик с матерью и ее новым мужем улетели на другой край Земли. Туда, где пояс городов Золотого Рога. Насовсем... Конечно, в наши дни это не так уж далеко. Подумаешь, Золотой Рог, если даже с Марсом прямая связь (только без видео). Но ведь за руку теперь Ярика не возьмешь, не схватишься — кто кого повалит на траве Замковой лужайки, не полезешь с ним искать ржавые наколенники стрел в подвалах Цитадели. Осталось только глядеть друг на друга на экране да говорить со странной неловкостью: «У вас как там? Нормально? У нас тоже нормально...»

Он как раз набирал на пульте код Золотого Рога, чтобы вызвать Ярика к экрану, когда пришли эти двое: мужчина в форме летчика Внутреннего флота и тетка из Опекунской комиссии...

Не надо про это. Лучше про школу... Как он забавно боялся, что его не возьмут в первый класс, потому что болел и опоздал на два дня. Но все же пошел один, без мамы. Сам отыскал учительницу.

«Очень хорошо, что ты пришел, мы тебя ждали... Полное имя твое у меня записано, а как тебя зовут дома?»

Он сказал чуть насупленно:

«Ежики».

«Ежик?»

«Е-жи-ки».

«А... ну, замечательно. Скажи, Ежики, кто твоя мама?»

«Она... как кто? Где работает, что ли?.. Ну, она в Управлении Дорожной сети. Консультант в инженерной группе...»

«Умница».

Кто папа, спрашивать не принято. С папами в наши дни сложно. Многие пацаны ничего про них и не знают. У Ежики в этом отношении положение, пожалуй, лучше, чем у других. По крайней мере он точно, без выдумок и сказок, знает, кто был отец. Несколько раз они с мамой летали в Парк памяти. Там громадная стена из желтого пористого камня, а в ней ячейки, ячейки, закрытые мраморными плитками (чем-то похоже на вокзальную камеру хранения). И на одной плитке, в третьем снизу ряду, надпись:

Виктор Юлиус
РАДОМИР
Музыкант

Он был дирижер и автор музыки фильмов, которые идут иногда и сейчас. А еще чемпион Полуострова по теннису и фехтованию. Мама говорила, что он был высокий, черноусый, гибкий, как храб-

рый капитан д'Эбервиль из фильма «Третья эскадра». А Ежики — светлый, круглолицый, нос сапожком.

«Как у Петрушки. — И пальцем нажимает ему кончик носа. — Был в старинном кукольном театре такой персонаж, Петрушка-растреп».

«Какой же Петрушка, если сама говоришь: Ежики...»

«Ежики — по характеру, а растреп по наружности. И в кого такой?»

«А говорила, что похож на отца».

«Ну... не носом же. Прыгучестью да замашками похож... когда вы с Яриком друг друга вашими пластмассовыми шагами тыкаете...»

Наверно, он и характером похож на Виктора Юлиуса Радомира. Хотя немного. Недаром столько времени продержался тогда в доме.

Ох, нет! Он же обещал себе не думать сейчас про это...

А все же недаром, видимо, перешло к нему второе имя отца — Юлиус. А полностью — Матвей Юлиус Радомир. Так его именуют в лицее. Лишь Кантор говорит иногда мягче: «Матиуш». Но и Кантор, скорее всего, не знает, что лицеист Радомир — Ежики. Никто здесь не знает. В школе про него, наверно, уже не вспоминают, Ярик далеко. А мамы нет, нет, нет...

Разве так бывает, что был человек и теперь нет его совсем?

— Значит, бывает...

Сколько времени прошло? Чуть больше года. А кажется — сто лет.

А тоска не уходит. И когда совсем уже невмочь, остается одно: бежать из лицея, садиться в хвостовой вагон и слушать Голос.

...— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...

«Знаю, мама, знаю. «Площадь Карнавалов». Голос настоящий, знакомый до последней крошечной нотки. Но он не скажет ничего нового.

...— Следующая станция «Якорное... поле».

2. Игра в шары. Росток

Его тряхнуло — нервно и жестко. Словно голой рукой задел открытые контакты блока питания в домашнем комбайне «Уют». (Уют уютом, а трахает так, что озноб в каждой клеточке тела и волосы торчком.)

Он коротко вздохнул, замер. Не от испуга, от неожиданности. Но... и от испуга тоже. Хотя чего бояться?

Да, не было на Кольце такой станции. Ну и что? Значит, построили... Чего вздрагивать-то?.. А когда построили? И разве сумели бы так незаметно? Прошлый раз он ехал здесь неделю назад... А может, это какой-то временный объезд? Но такой станции никогда не было нигде... Какое там наверху может быть поле? Между станцией «Солнечные часы» и «Площадью Карнавалов»?.. А может, это какое-нибудь незаметное кафе с таким названием или кинотеатр?.. Ну да, разве стали бы называть их именем станцию!

И все-таки, что ты так подскочил... Ежики? Аж сердце колотится. Будто ночью, когда снится падение с Соборной башни и просыпаешься, хватая воздух... Так нельзя, не надо.

Нужно выйти и посмотреть, что это за новое явление на Большом Кольце. На дороге, к которой он привык настолько, что чувствовал себя

почти хозяином. Все было так знакомо, и вдруг...

Ну ладно, он успокоился. По крайней мере почти успокоился. Ехал и ждал. Не только станции. Вообще ждал...

Казалось, поезд увяз во времени. Ежики вскинул глаза на вагонные часы. Желтые цифры на круглом угольном табло менялись очень медленно, секунды как бы застревали в черном безвременье. Можно было не спеша сосчитать до десяти, пока одна сменил другую... Наконец замороженное время лопнуло, как тугая пленка. Желтые секунды

замелькали, пневмотормоза плавно зашипела, машин голос (будто не в динамике, а рядом, у плеча) сказал:

— Станция «Якорное... поле...»

Ощутимым, как теплое дыхание, живым было ее ласковое пришепывание. А после слова «Якорное» мама чуть загнулась, сделала маленький вдох.

Ежики метнулся с дивана, дверь отошла. Он шагнул на перрон... и остановился — будто носом о стенку.

Нет, стенки рядом не было, но теснота станции поражала. Не зал, не привычный яркий вестибюль, а небольшой подвал. Серая бетонная комната, голые, без плафонов трубки ламп. Ежики быстро оглянулись. Поезду не хватило места, он ушел головой в туннель, и только два последних вагона оказались у платформы.

«А как же выходят из остальных? А где же?..» Мысли отсек резкий шелест и стук задвинувшихся дверей — без объявления! Поезд взял с места сразу, так быстро, что воздух взвихрился, рванул капитанку, щекочуще закрутился у ног и задержал так и не застегнутые ремешки сандалий.

Ежики сел на корточки, машинально сцепил пряжки и, не вставая, осматрелся опять. Вот что еще удивляло (и странно пугало даже): не было противоположного перрона, не было полотна для встречных поездов. В пяти шагах от Ежики плиточный пол смыкался со стеной. На ней — ни указателей, ни привычных стеклянных букв названия. Лишь белой краской — аккуратно, однако явно ручной кистью, даже без трафарета — на бетоне крупно выведено:

ЯКОРНОЕ ПОЛЕ

Яркость букв и сама необычность названия спорили с унылостью бетона. А кроме того, гнетущую придавленность и тесноту разбивало желтое окно. Большое, с переплетом в виде буквы Т, как в старых домах, оно не ярко, но празднично светилось в левой торцевой стене.

Ежики, привыкая к странности случившегося, тихо подошел. За окном была ниша с грубой облицовкой из песчаника. Там, за стеклами, под светом закрытых наверху ламп стояла метровая модель парусного корабля.

Судя по всему, это был старинный галеон — с высокой узорчатой кормой, с фигурой морской девы под крутым бушпритом, на котором поднималась тонкая вспомогательная мачта. А основных мачт было четыре — все в переплетении сеток и снастей, увешанных тяжелыми горошинами блоков.

Ежики когда-то любил рассматривать такие модели в музеях. И при этом он думал не столько о приключениях и дальних плаваниях, сколько о мастерах. О тех, живших в прошлые века людях, которые строили эти маленькие корабли. Как они в комнатах, заваленных толстыми кожаными книгами, с медным звездным глобусом в углу, при свете масляного фонаря плели хитроумный таке-лаж, резали из коричневого дуба узоры, клеили слюдяные окна кормовых надстроек. В песочных часах шуршала сухая струйка, за стенами, у близкого моря, вздыхало море, и стекла подрагивали в частых переплетах...

Люди эти были, конечно, старые капитаны — мудрые, много повидавшие на своем веку. Жаль, что их уже нет.

И эта модель, без сомнения, была очень старая. Тоже, наверно, из какого-то музея. Дерево от древности стало все одного, почти черного цвета. И снасти такие же. Материя туго скатанных, привязанных к реям парусов сделалась кофейно-бежевой. Лишь точеные столбики подставки светились новой лаковой древесиной. Нижними концами они уходили в толстый слой песка и мелких ракушек. Под этим слоем угадывалось тело небольшого якоря, а перед моделью, у самого стекла, торчала из песка треугольная красно-ржавая лапа...

Ежики смотрел на это, рассеянно отмечая, что на снастях кое-где серая пыль, что пушечные

люки закрыты, в слюдяных фонарях на корме белеют крошечные, но, кажется, настоящие — наполовину сгоревшие — свечки, а в закрепленном на палубе баркасе лежит бочонок величиной с наперсток.

А среди мелких ракушек валяется сухая крабая клешня.

От якорной лапы Ежики опять скользнул взглядом по мачтам и вантам, вздохнул, слегка потянулся. Положил сцепленные пальцами ладони на темя — была у него такая привычка.

...Когда-нибудь Матвей Юлиус Радомир станет взрослым и, возможно, прочитает старинное сочинение под названием «Книга кораблей». И там ему попадутся слова капитан-командора Космофлота Элиота Красса д'Эспиносы — командира знаменитой «Терры»: «В тяжкие времена безотчетного страха и неясности судьбы я нашел простое и доступное всякому лекарство от душевной смуты: в Доме Капитанов я неспешно разглядывал судовые модели. Созерцание крошечных каравелл и фрегатов, где сочетались неторопливая мудрость, кропотливость мастеров с воспоминаниями о плаваниях вокруг неоткрытого мира, успокаивает человека, возвращая ему равновесие духа, ясное сознание и надежду...»

Сейчас ничего этого Ежики не знал. Но успокоенность уже пришла к нему. Он с ровным, неторопливым любопытством разглядывал галеон, покачивая разведенными в стороны локтями и трогая коленом холодную цепь ограждения.

Провисшая цепь была натянута у окна между низкими чугунными столбиками. Приглядевшись, Ежики понял, что это старые корабельные пушки. Они были врыты в пол вниз дульными срезами. Цепь, несомненно, тоже была с корабля: якорная, массивная, с поперечинками в каждом звене. Ежики еще раз толкнул тяжелые кольца коленом, сел на цепь боком к окну, покачался.

Осматрелся опять.

Теперь тесный бетонный подвал не был унылым и гнетущим. Окно с моделью сделало его каким-то домашним. Уютно целкали часы над темной аркой туннеля. Они показывали, что прошло уже семь с половиной минут, а следующего поезда все не было. Странно... Эта странность, однако, не тревожила Ежики. Даже тихо радовала. Так же как и то, что не было на станции ни одного человека. Громадный город, казалось, остался далеко-далеко — с его колоссальными коробками домов, вокзалами, миллионами людей, с лицеем, с Канто-ром... с несчастьями. Сидеть бы здесь, качаться бы вот так долго-долго...

Но все-таки надо было узнать, что за Якорное поле там, наверху...

Ежики встал. И только сейчас понял: со станции нет выхода.

Ой, нет, выход, кажется, был. Только тоже очень странный. В противоположной торцевой стене, слева от туннеля, чернел узкий пустой прямоугольник.

Оглянувшись еще на окно с галеоном, Ежики протопал через подвал и шагнул в темноту.

Темнота была лишь несколько шагов. Потом за плавным поворотом коридора засветилась под толчком лампочка. За ней еще, еще. Закругляясь, коридор пошел вверх, началась крутая лестница. Никаких тебе эскалаторов. Стертые ступени, стены из бугристого камня. Скорее всего это был остаток древнего крепостного подземелья, к которому прилепилась станция.